

Д. А. Матвеева

Новосибирский государственный педагогический университет

**Редакции рассказа «Подпоручик Киже»
Ю. Н. Тынянова**

Аннотация. В настоящее время известны несколько редакций одних и тех же текстов малой прозы Ю. Н. Тынянова (рассказов «Подпоручик Киже», «Малолетный Витушишников» и повести «Восковая персона»). Однако попыток проанализировать внесенные в тексты изменения и установить причины предпринятых редакций пока не предпринималось. В данной статье представлен анализ изменений, внесенных во второе издание рассказа «Подпоручик Киже» 1930 г. Автор статьи делает предположение, что редактирование текста отражает продолжение работы Тынянова над замыслом произведения. Исключение одной из глав из первоначального текста и дописывание значимого фрагмента позволяет сделать вывод об усложнении отношений между различными уровнями текста. Соотнесение поэтики рассказа с научной мыслью Тынянова позволяют говорить об эволюции концепций писателя-литературоведа, отраженных в художественной прозе.

Some prose texts by Y. Tynyanov are known to have several redactions. These are the stories «Sub-Lieutenant Kizhe», «Under-Age Witushishnikov» and «A Wax Person». However, no attempts have so far been made to analyze the changes introduced in these texts and to find out the reasons for the undertaken redactions. This paper presents an analysis of the alterations introduced into the second edition of Y. Tynyanov's story «Sub-Lieutenant Kizhe» (1930). The author of the paper believes that the editing of the text reflects the continuation of Tynyanov's work at the conception of the story. The fact that one chapter of the original text was excluded a significant fragment was added leads to the conclusion that the relations between different text levels has become more complicated. The correlation of the poetics of Tynyanov's story with his scientific thought makes it possible to state the evolution in the writer-and-literary-scholar's concepts reflected in his literary prose.

Ключевые слова: «Подпоручик Киже» Ю. Н. Тынянова, редакции, историческое повествование, литературная игра, формалистская теория.

«Sub-Lieutenant Kizhe» by Yu. Tynyanov, redactions, historical narrative, literary acting, formalistic theory.

УДК 82.09

Контактная информация: ул. Вилюйская, 28, корп. 3, Новосибирск, 630126; +7 (383) 244 01 26; dianagolikova@yandex.ru

Исследователь поэтики малой прозы Ю. Н. Тынянова вынужден сталкиваться с затруднениями в определении основных текстов некоторых рассказов и повес-

тей: одни и те же произведения, переиздававшиеся при жизни автора несколько раз, имеют существенные различия. Так, рассказ «Подпоручик Киж» в журнальной публикации 1928 г. состоял из 24-х глав, в отдельной книге 1930 г. количество глав сокращено до 23-х. Композиционные изменения были внесены и в разные публикации повести «Восковая персона». От издания к изданию претерпевает изменение язык рассказа «Малолетный Витушишников».

На данный момент правки, сделанные в текстах разных изданий, никем не проанализированы, что нередко приводит к путанице при анализе произведений¹. Понимание причин, которые заставили автора внести изменения в свои тексты, – шаг к осмыслению поэтики прозы Тынянова. Остановимся более подробно на истории публикации «Подпоручика Киж».

В исследовании вопроса мы располагали перечисленными изданиями произведений Тынянова и только одним архивным документом, хранящимся в РГАЛИ в фонде Ю. Н. Тынянова, – вырезкой из журнала «Красная новь» с правкой неустановленного лица². В описи материалов, переданных в РГАЛИ дочерью писателя, Инной Тыняновой, в 1962 г. единица хранения 48 имеет лишь название «Поручик Киж – для перевода». В этом документе последовательно отражены все изменения, сделанные в книге 1930 г. Судя по тому, что исправления внесены в текст с помощью чернил разного цвета, можно предположить, что процесс перечитывания и исправления осуществлялся на протяжении некоторого времени. Кроме того, в числе журнальных страниц обнаружен рукописный фрагмент, позже добавленный Тыняновым в 10 главу книги. Но нет оснований предполагать, что правки в журнальное издание были внесены до 1930 г., потому как в документе не зафиксированы даты его исправления; единственная дата, написанная красным карандашом на первой странице – 12/v/944. О том, что текст предназначался для перевода, могут свидетельствовать карандашные надписи на французском языке над некоторыми словами (заметим, что совсем немногими). Так как архивный документ не дает оснований для каких-либо серьезных выводов, следует обратиться к публикациям рассказа.

В издании 1930 г. нет первой главы, в которой говорилось об источнике истории мифического поручика (а именно анекдот, рассказанный Далем и коротко, «в виде двух строк» [Тынянов, 1928, с. 97], записанный его современником). Исключение первой главы из рассказа, ввело в заблуждение некоторых исследователей. В комментариях, сделанных Б. О. Костелянцем к собранию сочинений Ю. Тынянова 1959 г., говорится, что в основу «Подпоручика Киж» легли два анекдота, зафиксированных в собрании анекдотов о Павле I Александра Гено и Томича. Один из анекдотов посвящен истории Киж, возникшего из приказа с ошибкой, которую государь принял за фамилию. Второй анекдот рассказывает о выключенном по ошибке из службы поручике, который так и не смог доказать, что он жив, а не умер [Костелянц, 1959]. Употребление в рассказе имени «Киж» вместо «Киж» дало Ю. Д. Левину основания полагать, что анекдот был известен Тынянову и по другому источнику – по «памятным тетрадам» московского барина С. М. Сухотина, который записал 21 декабря 1865 г. два анекдота из времени Павла I, услышанных им в гостях у В. Ф. Одоевского от В. И. Даля [Левин, 1966], что очень напоминает предысторию, изложенную в рассказе Тынянова. Отрывки из дневника Сухотина публиковались в «Русском архиве» в 1894 г. и могли быть известны автору «Подпоручика Киж»³. Как предполагает Левин, «памятные

¹ Так, О. Буренина, анализируя текст «Восковой персоны», одновременно рассматривает и эпиграфы, которые появились в 1941 г., и «Словарь старых и иностранных слов», который был убран из последнего издания 1941 г. [Буренина, 2005].

² РГАЛИ. Ф. 2224. Оп. 1. Ед. хр. 48.

³ Как указывает в одном из примечаний Ю. Д. Левин, «С. А. Рейсер, работавший в 20-е годы секретарем Ю. Н. Тынянова, сообщил... что, насколько он помнит, источником

тетради” Сухотина явились для писателя лишь первым толчком для размышлений над сюжетом повести. В дальнейшем же он обратился в поисках материалов к сборнику “Павел I”, откуда был заимствован анекдот, положенный в основу истории поручика Синюхаева» [Левин, 1966, с. 395].

Тимо Суни, опирающийся в своей статье «Подпоручик Кижэ Ю. Тынянова как метафигция» на первое издание рассказа, делает предположение об обусловленности правки в книге 1930 г. цензурой и автоцензурой. «Например, в первоначальном предисловии ПК говорится о “современной блатной музыке и языке арестантов”. В литературе 1930-х годов под воздействием соцреалистического канона темы советских преступников и заключенных постепенно превратились в табу, что, наверное, отчасти повлияло на решение Ю. Тынянова исключить предисловие из печатного текста» [Sunі, 1998, с. 140]. Однако замечанию повествователя о том, что в «привеске» к словарю Даль «опубликовал <...> многое из языка офеней и ходебщиков» [Тынянов, 1928, с. 97], в которых, как и в выкриках уличных торговцев и разносчиков, заключается «кратковременная и поэтому подлинная жизнь» [Там же], отведена незначительная часть 1-й главы; остальное содержание не выглядит подозрительным с точки зрения советской цензуры.

Так как мы не можем с полной уверенностью говорить об имевшей место цензуре, вполне логичным шагом будет выдвинуть обратную гипотезу о сознательном решении автора внести правки в произведения перед их переизданием⁴.

В предуведомлении к истории о подпоручике Кижэ обращает на себя внимание сама фигура В. Даля, писателя и составителя «Толкового словаря живого великорусского языка», а также сосредоточенность повествования на «слове» вообще. Анекдот из эпохи Павла I, рассказанный Далем и оставшийся «в записках одного ничем не интересного, чиновного современника Даля <...> в виде двух строк» [Тынянов, 1928, с. 97], называется «словом из той эпохи». Таким образом, слово наделяется потенцией содержать в себе некоторое событие, историю, кроме того слово непосредственно характеризует время, создается эпохой. В связи с этим нельзя не вспомнить размышления Тынянова-теоретика о слове, ведь к моменту работы над «Подпоручиком Кижэ» уже была написана «Проблема стихотворного языка». Тынянов выделяет в структуре каждого слова основные и второстепенные, колеблющиеся, признаки значений; колеблющиеся признаки значений слово приобретает в конкретном окружении, контексте. Приведем фрагмент из «Проблемы стихотворного языка», который мог бы послужить своеобразным комментарием к первой главе рассказа:

сюжета “Подпоручика Кижэ” послужила история, заимствованная из “Русского архива” [Левин, 1966, с. 395]. «Рассказы В. И. Даля о временах Павла I» были также опубликованы их автором в «Русской старине» в 1870 г.

⁴ Высказывание руководителя Главлита П. И. Лебедева-Полянского (1927 г.) позволяет думать об относительной цензурной свободе Госиздата, частью которого было «Издательство Писателей в Ленинграде»: «Громадная часть литературы идет без цензуры через Госиздат и др. партийные издательства. Все сомнительное, с чем не решаются идти в Главлит, передается этим издательствам и часть там печатается» [Жирков, 2001, с. 271]. Г. В. Жирков замечает, что жалобы Лебедева-Полянского явно преувеличены, однако еще одно подтверждение цензурной лояльности Госиздата можно найти в записках Л. Я. Гинзбург 1932 г.:

«— Если “Молодая гвардия” доведет меня до точки, я обращусь в Издательство писателей.

— Это им совсем не подходит.

— Почему?

— Они ведь издают только идеологически невыдержанные книги...

— Правда — моя книга идеологически выдержана... Но это компенсируется моей фамилией» [Гинзбург, 2002, с. 105].

«...Каждое слово имеет свою лексическую характеристику (создаваемую эпохой, национальностью, средой), но только вне этой эпохи и национальности в нем осознается его лексическая характерность. В этом смысле лексическая окраска – улика; достаточно в берлинском суде одного слова Gaunersprache, а у нас – “блатной музыки” со стороны подсудимого, чтобы это слово – помимо основного признака значения и несмотря на него – стало уликой (равным образом характер улики имеет иноязычная и диалектная окраска речи – шибболет)» [Тынянов, 2007, с. 71].

Показательно и сравнение слов с музыкальными инструментами в 1-й главе: «Словарь его напоминает огромную коллекцию музыкальных инструментов, секрет игры на которых нынче уже неизвестен» [Тынянов, 1928, с. 97]. Это замечание созвучно идеям Тынянова о функциональной закреплённости каждого слова.

Необычность «Подпоручика Киже» как исторического рассказа в том, что интерес повествователя представляет не само происшествие, в достоверности которого нельзя быть уверенным («Но все же исторические анекдоты Даль только рассказывал в кругу знакомых и никогда не ручался за достоверность» [Тынянов, 1928, с. 97]), а то слово из прошедшей эпохи, в которое эта история заключена:

«Это слово более не употреблялось, и потому казалось удивительным, даже невозможным, но на самом деле, было очень обыкновенным в то время.

В основу его легли такие события» [Тынянов, 1928, с. 97].

Заметим, что если возможная недостоверность исторического анекдота оговорена повествователем, то сомнений по поводу реальности тех событий, которые описываются далее, не выдвигается. Повествователь как бы приоткрывает нам тайну, показывая больше, чем могут рассказать исторические документы: мы узнаем имя Синюхаева, которое не встречается в «С.-Петербургском некрополе», и Киже, имя которого «вскользь упоминают» некоторые историки.

Перед читателем, который знакомится с рассказом со «второй главы», т. е. в редакции 1930 г., с самого начала текста разворачивается сюжет из эпохи правления Павла. И только в некоторых последующих главах всезнающий повествователь, констатирующий факты и прячущийся за несобственно-прямую речь персонажей, обнаруживает временную дистанцированность от описываемых событий:

«...Так как приказ был ничем не любопытен, то *вряд ли позднейшие историки* даже стали бы ее [ошибку] воспроизводить» [Тынянов, 1959, с. 338] (здесь и далее курсив мой. – Д. М.).

«Мальчишки, которые *во все эпохи* превосходно улавливают слабые черты, бежали за ним и кричали...» [Там же, с. 352].

«...некоторые *мемуаристы* сохранили их [похорон Киже] подробности» [Там же, с. 355].

Тем самым исключение 1-й главы уменьшает дистанцию между читателем и происходящими в тексте событиями. Кроме того, помещенное в первом издании «предисловие» к рассказу вызывает ассоциации с уже сложившейся традицией исторического повествования. Начало игре с историей и с читателем было положено еще вальтер-скоттовским историческим романом, активно использовавшим систему многоуровневых предисловий, примечаний и эпиграфов [Альтшуллер, 1996]. Возможно, Тынянов исключает первую главу «Подпоручика Киже», чтобы сделать свою игру с историей менее явной.

В текст 1930 г. добавлен фрагмент встречи Синюхаева в своей комнате с «Юнкерской школы при Сенате аудитором» [Тынянов, 1959, с. 340], имеющий

определенную сюжетную функцию⁵. Тимо Суни в одном из примечаний к статье о «Подпоручике Кижее» говорит, что «если сравнить эти части друг с другом, то вторая отличается большей визуальностью и годностью для экранизации. С этой точки зрения, смену частей рассказа можно свести к работе автора над сценарием фильма 1934 года» [Sunі, 1998, с. 141]. Добавим, что особое видение Синюхаевым вещей, на которые он раньше не обращал внимания, представляет в данном случае прием *остранения*. Поручик начинает видеть вещи *остраненными* в тот момент, когда узнает о своей смерти (гл. 7), и эта особенность видения, которое можно назвать прозрением, убеждает его в мысли о собственной смерти:

«Он стал рассматривать разводную площадь, и она показалась незнакомой ему. По крайней мере, он никогда не замечал раньше карнизов на окнах красного казенного здания и мутных стекол.

Круглые булыжники мостовой были не похожи один на другой, как разные братья» [Тынянов, 1959, с. 337].

Так же остраненно видит Синюхаев свои вещи в добавленном к 10-й главе фрагменте. Герой оказывается не в состоянии принять настоящую реальность и найти свое место среди ощущаемых им предметов:

«Потом он посмотрел на вещи, принадлежавшие поручику Синюхаеву: гобой любви в деревянном ларчике, щипцы для завивки, баночку с пудрой, песочницу, и эти вещи посмотрели на него. Он отвел от них взгляд» [Там же, с. 340].

Фрагмент, представляющий, как на место живого и здравствующего Синюхаева вселяется другой человек, актуализирует мотив замены. Аудитор, забирающий у Синюхаева комнату, денщика и мундир, лишает поручика атрибутов, прикреплявших его к определенному месту и званию. Поэтому поручик Синюхаев так дорожит форменными перчатками, которые ему удастся оставить: «Перчатки потерять – к бесчестью, слышал он. В перчатках поручик, каков бы он ни был, все поручик» [Там же, с. 341].

Показанное нам остраненное видение Синюхаева, которое убеждает героя в собственной смерти, делает анекдотичную встречу поручика и аудитора несмешной, вызывает сочувствие к поручику, мертвеющему в противоположность Кижее, жизнь которого начинается в главе, предшествующей уходу Синюхаева со своей квартиры. Поручик вызывает сочувствие и потому, что в рассказе он представлен не только как военный, обладающий «неумным и прямолинейным видом» [Там же, с. 333], но и как «захудалый поручик», который «не махался с женщинами, и, что было не вовсе бравым офицерским делом с удовольствием играл на “гобое любви”» [Там же]. Гобой *d`амур* (*oboe d`amour*) – вид гобоя, особенно любимый в эпоху барокко и потерявший свою популярность уже в конце XVIII в. Увлечение Синюхаева кажется удивительным, особенно если вспомнить, что техника игры на гобое любви отличается своей сложностью. Возникновение этого инструмента не случайно: упоминание «гобоя любви» заставляет вспомнить первую главу, где устаревшие слова сравнивались с коллекцией музыкальных инструментов, «секрет игры на которых нынче уже неизвестен» [Тынянов, 1928, с. 97]. Так, с «исчезновением» Синюхаева умолкает гобой, из которого аудитору не удалось извлечь звуков.

Важно и то, что гобой принадлежит барочной эпохе. На наш взгляд, инструмент эпохи барокко осуществляет связь между временем описываемых в тексте событий и временем, в котором существует повествователь. Как показал И. П. Смирнов, связь искусства начала XX в. с культурой барокко была очевидна

⁵ Характерно, что на место поручика приходит «Юнкерской школы при Сенате аудитор». Именно при Павле I для подготовки аудиторов была восстановлена Сенатская школа, переименованная в Юнкерскую.

для формалистов⁶. Влияние эпохи барокко на модернизм прослеживается и в музыке: особо популярный в начале XVIII в., гобой д`амур возвращается в искусство именно в начале XX в.⁷

Не только появление музыкального инструмента, но и любовь Синюхаева к «вежливости простонародья» («Однажды мещанин сказал ему, когда он чихнул: “Спица в нос невелика – с перст”») [Тынянов, 1959, с. 337]), заставляет вспомнить о первой главе, в которой говорилось, что в выкриках уличных торговцев и разносчиков есть кратковременная подлинная жизнь. Таким образом, сюжетные линии Синюхаева и Кижэ буквально представляют метафору об умирании слова и появлении «видимости значения» у бессмысленного сочетания звуков, описки. «Колеблющиеся значения» вокруг имени Кижэ позволяют персонажам рассказа постепенно дорисовывать черты несуществующего поручика, в то время как живой Синюхаев, теряющий свою прикрепленность к вещам и месту, постепенно исчезает из повествования. Примечательна фраза последней главы о том, что Синюхаев, имя которого совершенно забыто, «исчез без остатка, рассыпался в прах, в мякину, словно никогда не существовал» [Тынянов, 1959, с. 356], которая настойчиво акцентирует полное исчезновение героя.

Таким образом, между исключенной при переиздании первой главы и добавленным фрагментом прослеживается идейная общность. Первая глава «Подпоручика Кижэ» 1928 г. давала ключ к пониманию некоторых мотивов произведения – слова как музыкального инструмента и слова, содержащего в себе жизнь; и указывала на источники, положенные в основу сюжета. Внесенные автором правки позволяют сделать вывод о тенденции в текстах Тынянова к более изощренной игре с читателем (напомним, что «Восковая персона» и «Малолетный Витушишников» так же, как и «Подпоручик Кижэ», имеют в своей основе исторические анекдоты и мемуарные записи современников, которые не называются повествователем открыто). Автор не скрывает претекстов своих произведений, однако читателю приходится не столько искать точки соприкосновения разных текстов, сколько улавливать те деформации, которые претерпевают документы и художественные произведения, попадая в чужой текст⁸.

Максимально скрывая фигуру повествователя за счет исключения «предисловия», Тынянов выдвигает на первый план язык произведения, стилистически воссоздающий язык эпохи. Таким образом, историческое правдоподобие достигается в названных произведениях не за счет следования документированным фактам, к которым Тынянов относился с недоверием⁹, а благодаря «ощущению» эпохи, улавливаемой в «слове». Слово у Тынянова инициирует действие, движет сюжет.

Список литературы

Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб.: Академ. проект, 1996.

⁶ В одном из примечаний И. П. Смирнов приводит следующее высказывание В. Б. Шкловского, обнаруживающее принцип сопряжения двух культурных эпох: «Люди нашего времени, люди интенсивной детали – люди барокко... Барокко, жизнь интенсивной детали, не порок, а свойство нашего времени» [Смирнов, 1979, с. 336] ([Шкловский цитируется по: [Шкловский, 1931]).

⁷ Музыкальная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия; Сов. композитор, 1973–1982. URL: http://enc-dic.com/enc_music/Altovyj-Goboj-302.html (дата обращения 08.05.2014).

⁸ Более подробно особое понимание Тыняновым художественного произведения, которое основывается на деформировании уже претерпевшего изменения материала, описано Блюмбаумом [2009].

⁹ «Там, где кончается документ, там я начинаю» [Тынянов, 1993, с. 154].

- Блюмбаум А. Б.* Из творческой истории «Малолетнего Витушишников»: документальный источник текста // Русская литература. 2009. № 3. С. 45–59.
- Буренина О.* Глава 7. Органопэтика. Случаи репрезентации абсурдной телесности в русской литературе и изобразительном искусстве XX века // Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. СПб.: Алетейя, 2005. С. 263–285.
- Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
- Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Костелянц Б. О.* Примечания // Юрий Тынянов. Сочинения. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 1. С. 537–538.
- Левин Ю. Д.* Об источниках «Подпоручика Кижее» // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л.: Наука, 1966. С. 393–396.
- Смирнов И. П.* Барокко и опыт поэтической культуры начала XX в. // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 335–361.
- Тынянов Ю.* Подпоручик Кижее // Красная новь. 1928. № 1 (январь). С. 97–119.
- Тынянов Ю.* Соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 1.
- Тынянов Ю. Н.* Как мы пишем // Литературный факт. М.: Высш. шк., 1993.
- Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. М.: КомКнига, 2007.
- Шкловский В.* Поиски оптимизма. М., 1931.
- Supi T.* Подпоручик Кижее Ю. Тынянова как метафигция // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1998. Т. 15. С. 121–145.